

Б. М. ПУДАЛОВ

К литературной истории сборника «Измарагд»: формирование 2-й («Основной») редакции

В древнерусском четьем сборнике устойчивого состава «Измарагд» традиционно выделяют две редакции: 1-ю («Древнейшую») и 2-ю («Основную»), значительно превосходящую 1-ю по составу. Вопросы литературной истории Основной редакции Измарагда — устойчивый состав статей, время формирования и источники, тематические особенности — изучены мало, хотя списки этой редакции количественно преобладают в рукописной традиции сборника. Ученые в основном либо констатировали существование разных редакций сборника, либо вообще ставили под сомнение традиционность его состава.¹

В. А. Яковлев, проанализировав в общей сложности около десятка списков Основной редакции XV—XVII вв., пришел к следующим выводам: 1) ее устойчивый состав насчитывал 165 статей; 2) ее источник — Измарагд Древнейшей редакции, пополненный статьями Златоустов и, возможно, Патериков; 3) содержание статей указывает, что сборник был предназначен мирянам, при этом внимание к вопросам эсхатологии и обязательности постов объясняется умонастроениями конца XV в. Именно этим временем Яковлев и предлагал датировать составление редакции.² Последнее утверждение аргументированно опроверг А. И. Соболевский,³ а О. В. Творогов, подводя итоги изучения Измарагда, опроверг и другой вывод Яковлева, считавшего Златоуста «одним из более близких источников» Измарагда. Анализ традиционного состава Златоуста привел О. В. Творогова к противоположному выводу: «Измарагд был использован как источник для некоторых дополнений в списках Златоуста, относящихся к XVII в.»⁴ Не во всем верен и реконструируемый Яковлевым

¹ [Горский А. В., Невоструев К. И.] Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. 2, ч. 3. С. 81—83; Порфирьев И. Я. О чтении книг (о почитании книжном) в древние времена России // Православный собеседник. 1858. Т. 2. С. 198; [Порфирьев И. Я., Вадковский А. В., Красносельцев Н. Ф.] Описание рукописей Соловецкой библиотеки. Казань, 1880. Ч. 1. С. 562—601; Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Извлечения из рукописей и опыты историко-литературных изучений. В 4 т. Казань, 1889—1890; Сумцов Н. Ф. Рецензия на «К литературной истории» В. А. Яковлева // Зап. имп. Харьковского ун-та. 1894. Кн. 1. Раздел «Критика и библиография». С. 1—12.

² Яковлев В. А. К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893. С. 162—178. Ему принадлежат и терминологические обозначения редакций Измарагда — 1-я и 2-я, реже «Древнейшая» и «Основная» (Там же. С. 8, 278).

³ Соболевский А. И. Рецензия на «К литературной истории древнерусских сборников» В. А. Яковлева // ЖМНП. 1894. Январь. С. 233—238.

⁴ Творогов О. В. Измарагд // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 397—401.

устойчивый состав сборника. Дело в том, что «Слово св. отец о заповедях Господних» (гл. 160, по Яковлеву) встретилось лишь в одном, наиболее позднем из указанных автором списке (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 202, XVII в.). Поэтому традиционность данной статьи для Основной редакции оказалась недоказанной.

Нерешенность ключевых проблем обусловила необходимость продолжить рассмотрение литературной истории Основной редакции Измарагда. Нами был проведен анализ 137 списков XV—XIX вв., позволивший определить устойчивый состав Архетипа⁵ Основной редакции, уточнить время ее формирования и выдвинуть гипотезу о возможных источниках и составителях этой редакции.

Исправные списки Основной редакции Измарагда озаглавлены так: «Книга, глаголемая Измарагд, с Богом починаем» (варианты: «...с Богом починающе глаголем», «Книга рекомый Измарагд, с Богом начинаем. Господи, благослови»). Нет сомнений, что подобное заглавие имел и Архетип данной редакции. Главы в списках имеют писцовую нумерацию, восходящую к нумерации статей в Архетипе, поэтому восстановление устойчивого состава статей (164 главы) не вызывает особых затруднений.⁶ Наиболее хорошо он сохранился в Измарагдах РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 203 (далее — ТС-203), РГБ, собр. МДА, № 46 (далее — МДА-46), ГИМ, Синодальное собр., № 765 (далее — Син.-765), РНБ, ОСПК, F.I.533 (далее — F.I.533), РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 39 (далее — КБ-39), а также в сборниках, содержащих в своем составе Измарагд: РГБ, Музейное собр., № 3687, РГАДА, ф. 381, № 199. Еще 12 известных нам списков, сохранивших устойчивый состав Архетипа Основной редакции без изменений (прибавлений, сокращений, перестановок глав), дефектны в той или иной степени.

Наблюдения над списками Архетипа позволили выявить некоторые разночтения в их тексте, на основании которых предварительно можно выделить вид А (ТС-203, F.I.533, КБ-39, РНБ, собр. Погодина, № 1022, РНБ, Q.I.216, БАН, Архангельское собр., С. 99) и вид Б (Син.-765, ГИМ, собр. Уварова, № 1049).⁷ Первоначален вид А: наиболее исправен список ТС-203 (последняя треть XV в.), по которому и готовится нами научное издание текста Основной редакции, с разночтениями по спискам МДА-46 (середина XVI в.) и Син.-765 (1518 г.).⁸

⁵ Термин «Архетип» мы используем в настоящей работе в значении Архетипный (первоначальный) вариант текста Основной редакции

⁶ Приведен в работе Пудалов Б. М. Сборник «Измарагд» в русской письменности XIV—XVIII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. С. 391—399.

⁷ Мы принимаем определение термина «вид памятника», предложенное Д. С. Лихачевым в «Истории русской литературы» (М., Л., 1958. Т. I. С. 657, примеч. 1).

⁸ МДА-46 происходит, как и ТС-203, из Троице-Сергиевой лавры, где оба списка и хранились. У них был общий протограф, что позволяет исправлять по МДА-46 отдельные опiski и пропуски ТС-203, в целом лучше сохранившего текст Архетипа. Лингвотекстологическому анализу разночтений этих списков (в частности, последовательной замене лексем протографа их церковнославянскими аналогами в МДА-46) мы предполагаем посвятить отдельную статью. К другому протографу восходит достаточно ранний, хорошо сохранившийся и дающий иные разночтения Син.-765 (1518 г.) — Измарагд «Поисея Мичюрина», поступивший в 1596 г. в библиотеку Иосифо-Волоколамского монастыря (см. о нем Дмитриев Р. П. Описи рукописей Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 16, 17, 70 (примеч. 22). В статье Р. П. Дмитриевой современный шифр Измарагда «Поисея Мичюрина» (Син.-765) не указан).

В литературной истории Основной редакции Измарагда наиболее сложно восстановить процесс ее формирования и определить источники Архетипа. Один из источников не вызывает сомнений: это Древнейшая редакция Измарагда, к которой восходят до 50 традиционных статей Основной редакции.⁹ Однако текст статей изменен. Приведем наиболее показательные примеры изменений (текст приводится по ТС-203; в скобках указывается, какой главой является статья в Основной (О) и Древнейшей (Д) редакциях соответственно):

1. «Слово Иоанна Златоуста о гордении» (О, гл. 8; Д, гл. 16). В тексте Основной редакции — несколько добавлений, усиливающих основную мысль произведения: «Яко плод изгнил непотребен делателю, тако и молитва гордаго неприятна Богу»; «яко же опутану несть лзе ходити, тако и печалми обхъату света сего нужно ити на небо...».

2. «Слово Иоанна Милостиваго о исходе души» (О, гл. 11; Д, гл. 63). В Основной редакции вступление содержит перечень грехов, которого нет в Древнейшей редакции: «Инии зависти, а инии татбы, обиды и гнева, ярости и гордости, пианства и блужения, объядения и скупости немилосердна». Переработана и концовка: в Древнейшей редакции произведение заканчивается призывом «потщимся печаль имети о том страшном»; в Основной редакции добавлено: «И изготовите добра дела хотящая изыти к намь, да заступят ны в час той бедный и не дадят ни прикоснуться к нам противным силам». Тексты рассматриваются как разные редакции «Слова», восходящие к разным источникам.¹⁰

3. «Слово Иоанна Златоуста о играх и плясании» (О, гл. 12; Д, гл. 27). В Основной редакции изменено вступление, а в конце добавлено: «Се бо образ мучения показа всем согрешающим и не творящим воли Божии. Того ради, братие и сестры, блюдитесь и не любите бесовских игр беззаконных, паче же плясания удаляйтеся, да не зле в муку вечную осужени будете». (Интересно, что в тексте Основной редакции после традиционного обращения «братия» везде добавлено «и сестры».)

4. «Слово св. отец о пьянстве» (О, гл. 13; Д, гл. 26). В Основной редакции Измарагда полностью переработано вступление, исключены перечень постных дней и рассуждение о духовном праздновании; противопоставлены питье (как допустимое) и пьянство (недопустимое).¹¹

5. «Слово Иоанна Златоуста о глаголющих яко несть грешным муки» (О, гл. 27; Д, гл. 11). В тексте Основной редакции сделаны существенные добавления: а) вступление (около 80 лексем) о неизбежности посмертных мучений за грехи; б) описание бед, происходящих «грех ради наших», текстуально почти совпадающее с фрагментом «Сказания Иоанна Златоуста о первом веке» (Д, гл. 65); в) риторическое рассуждение о том, что даже еретики и иноверцы признают неотвратимость возмездия за грехи.

6. «Слово Дионисия о желеющих» (О, гл. 83; Д, гл. 15). В Основной редакции сильно сокращено вступление — исключена панегирическая характеристика Дионисия; в середине текста исключен фрагмент о правилах причащения (к тому же проведена последовательная стилистическая прав-

⁹ Отмечены в росписи состава Пудалов Б М Сборник «Измарагд» С 391—399 О 1-й редакции см Пудалов Б М Литературная история 1-ой («Древнейшей») редакции Измарагда // Древняя Русь Вопросы медиевистики М, 2000 № 2 С 76—95

¹⁰ Гальковский Н Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси М, 1913 Т 2 С 277—286 (Записки Московского Археологич ин-та Т 18)

¹¹ Подробнее см Калиновская В Н К изучению древнейших русских поучений и слов против пьянства // Древнерусская литература Источниковедение (Сб науч трудов) Л, 1984 С 58—62

ка: «комканье» заменено на «причащение»), добавлена заключительная фраза: «А мертвых не желейте, праведнии бо в живот грядут».

7 «Слово Иакова, брата Господня, о недели» (О, гл. 139; Д, гл. 53). Тексты сильно различаются: в Древнейшей редакции излагаются правила поведения в церкви, дано обличение игр и «плясаний»; в Основной редакции обличается пьянство и очень кратко — игрища. Таким образом, в Основной редакции вместо величественной картины духовного празднования «недели» в церкви помещен новый раздел, схожий с гл. 13: «О братие, чи в пианьство и в играх слава Божия есть? . Питие на веселие дано, а не на пианство».

8. «Притча о дворе и змии» (О, гл. 143; Д, гл. 72). Текстологический анализ этого переводного произведения, включавшегося в Измарагды, Златоусты, Златоструи, «Соборники» и сборники южнославянского происхождения, приводит к следующим выводам. Статья в Древнейшей редакции восходит к тексту, близкому к греческому оригиналу и включавшемуся в древнерусские «Соборники» не позднее XIV в.¹² Статья в Основной редакции восходит к тексту в составе «полного» Златоструя (гл. 52), при этом видна значительная самостоятельность редактора Измарагда: усилены повествовательное начало и эсхатологическая направленность произведения, дидактические отступления сокращены; вставная «Повесть о тативом слепце» выведена за рамки произведения и составляет «конвойную» гл. 144. Редакции притчи в составе Златоуста (в понедельник 5-й недели Великого поста или в неделю 15-ю по всех святых) и южнославянская (наиболее ранний список — ГИМ, собр. Щукина, № 360, 1475 г.) никак не связаны ни с одной из измарагдовских редакций этого произведения.

Таким образом, к Древнейшей редакции можно возвести лишь треть традиционного состава Основной редакции; для остальных статей поиск источников остается актуальной проблемой.

Аналоги статей Архетипа Основной редакции есть и в составе сборника «Златоуст», однако они значительно отличаются по тексту и к тому же встречаются в Златоустах не ранее конца XV в.: ГИМ, собр. Уварова, № 782, ГИМ, собр. Черткова, № 172, а также в сборниках БАН, 17.11 6, конца XV—начала XVI в. (Златоуст годовой и статьи Измарагда), РГБ, собр. Румянцев, № 182, 1555 г. (Златоуст и 28 некалендарных статей из Пролога и Измарагда) и других, более поздних. Несколько обособлен список БАН, собр. Каликина, № 190, середины XVI в. — Златоуст годовой, по определению Т. В. Черторицкой, «один из наиболее полных сборников этого типа».¹³ Всего около 50 статей этого списка, большинство которых не встречается в других Златоустах, имеют аналоги в Измарагде Основной редакции и, несомненно, заимствованы оттуда. На это указывает не только текст, но и порядок группировки гомилий, воспроизводящий устойчивый состав статей Архетипа Основной редакции (например, гл. 11—15, 16—18, 1—6, 27, 7—8 и т. д.). Так что для «одного из наиболее полных списков годового Златоуста» справедливо мнение О. В. Творогова: не Златоуст был источником Измарагда, а как раз на-

¹² См PG Vol 100 Col 1213—1285 (Русский перевод Христианское чтение 1833 Т 4 С 24—48, вольные переложения Парнасский шепетильник 1770 С 247—264, Душеполезное чтение 1860 № 6 С 199—211) В описи Синодального греческого собрания ГИМ указан список XII в. Наиболее ранние русские списки в «Соборниках» — РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 2, конец XIV(?)—начало XV в., л 156—166, и БАН, Соловецкое собр., № 7, конец XIV в., л 222—231

¹³ Vorläufiger Katalog Kirschenoslavischer Homilien des beweglichen Jahreszyklus 1994 S 625 (Patristica Slavica Bd 1)

оборот, Основная редакция Измарагда послужила источником дополнительных статей для этого списка Златоуста.¹⁴ В остальных случаях немногочисленные общие статьи Златоуста и Измарагда следует объяснять не взаимодействием этих сборников, а, скорее всего, заимствованием из общих источников.

По нашему мнению, для определения источников Основной редакции Измарагда необходим анализ списков, отражающих ранний период формирования ее Архетипа. Старейший из них — РНБ, ОСПК, Q.I.312 (далее — Q.I.312), конволют XV в., основную часть которого (л. 10—376 об.) составляет сборник, переписанный в 1422 г. дьяконом Микифором для священника Павла. Рукопись, несомненно, севернорусского происхождения: об этом свидетельствуют многочисленные примеры чередования ц/ч. «Сборник Микифора» объединяет статьи, выписанные из нескольких сборников неустойчивого состава, происхождение и границы которых можно определить лишь приблизительно:

1) статьи на обличение ересей, «правила св. отцов» и канонические вопросы (л. 10—34 об., 57—60, 175—193 об., 198, 216 об.—219, 250—257) — из сборника, восходящего к Номоканону, с дидактическими прибавлениями;

2) учительные гомилии о почитании книжном, посте, молитве, милостыни, наказании и т. п. (л. 34 об.—54 об., 60 об.—121 об., 135—175, 193 об.—198, 198 об.—216 об., 219—227 об., 229—234 об., 235—247 об., 249 об.—250, 257—281 об.) — из дидактического сборника, включавшего статьи Златоструя;

3) «Исборник от многих святых отец» (л. 122—135 и, возможно, некоторые другие мелкие выписки) — разъяснения отдельных заповедей, фрагментов Св. Писания;

4) «Измарагд» (л. 282—312) — подборка из 22 дидактических гомилий традиционной измарагдовской тематики;

5) дидактические новеллы (л. 54 об.—55, 227 об.—228, 234 об.—235, 247 об.—249 об., 312—376), восходящие к подборкам выписок из патериков. Именно к этому последнему разделу были добавлены позднее (в середине—конце XV в.) еще четыре аналогичные статьи, а также «Сказание Мефодия Патарского» и «Сказание о плаче Богородицы», завершившие конволют Q.I.312.

Подборка статей «Сборника Микифора», озаглавленная «Измарагд», включает в себя не только некоторые статьи Древнейшей редакции (одного из ее вариантов — Вологодского),¹⁵ но и статьи, не имеющие аналогов в Древнейшей редакции. Зато эти статьи присутствуют в списках Основной редакции, иногда сохраняя даже порядок следования (см., например, группу поучений о добрых и злых женах — в Основной редакции только «Слово Антиоха Великого» отделилось от этой группы). В Основную редакцию были включены также многие из тех статей «Сборника Микифора», которые не входят в раздел, озаглавленный «Измарагд»; при этом в ряде случаев статьи подверглись переработке. Например, два видения Пахомия о среде и пятнице (л. 249—249 об., 312—313) были объединены в Основной редакции в одно произведение, но в обратном порядке

¹⁴ Творогов О В Измарагд С 399

¹⁵ На это указывает сходство заглавия и вступительных статей. Однако текст «Слова Иоанна Милостивого», двух «слов» Анастасия Синайского, а также «Слова Иоанна Златоуста о рассмотрении спасения» (в Вологодском варианте Древнейшей редакции гл. 41, 28, 29, 45 соответственно) в «Сборнике Микифора» несколько иной

(гл. 120); из двух вариантов «Слова Генадия о чтущих книги» (л. 47, 113 об.—114) был выбран второй вариант (О, гл. 164).

В целом список Q.I.312 («Сборник Микифора») представляет собой своеобразный «эмбрион» Основной редакции Измарагда, уже формирующейся, но еще не оформившейся окончательно. В этом списке уже есть 45 статей, вошедших в Архетип Основной редакции, но пока еще они стоят в другом порядке и не имеют нумерации, принятой в Архетипе (непоследовательная писцовая нумерация глав, фрагментарно сохранившаяся в Q.I.312, воспроизводит, по-видимому, нумерацию глав в списках-протографах). Отсутствие нумерации глав, последовательно выдержанной во всех списках Основной редакции, свидетельствует о том, что «Сборник Микифора» предшествовал данной редакции и не может рассматриваться как ее переработка. Из сборника Q.I.312 для Архетипа Основной редакции заимствовались преимущественно статьи, восходящие к дидактическому сборнику, составленному с использованием статей Златоструя, и к подборкам выписок из патериков. Значительно меньше заимствований из раздела, восходящего к Номоканону: в Архетип не включались канонические постановления, обличения ересей и поучения, предназначенные духовенству. Следовательно, эти произведения не соответствовали представлениям редактора о тематике и жанре Измарагда. По этой же причине, скорее всего, не вошли в Измарагд и сочинения Дионисия Ареопажита, вероятно, показавшиеся слишком сложными для мирян, хотя в сборнике Q.I.312 есть выписки из Дионисия (л. 227 об.). Таким образом, не подтверждается версия А. И. Соболевского, датировавшего 2-ю редакцию Измарагда XIV в. на том основании, что ее составителю были неизвестны сочинения Дионисия Ареопажита или Феофилакта Болгарского.¹⁶ Нежелание редакторов Измарагда включать в традиционный состав некоторые статьи из предшествующих сборников (типа Q.I.312 и его источников) могло иметь идеологические причины. Так, не стало традиционным «Слово Иоанна Златоуста» (Q.I.312, л. 218—219), разрешавшее молиться не только в храме, но и на пути, и на торгу (ибо вся земля — владение Божие): в условиях борьбы со стригольниками идеи этого произведения были неприемлемы для редакторов Измарагда. Возможно, определенную роль могли играть и литературно-эстетические вкусы составителей Основной редакции.

Анализ сборника Q.I.312 позволяет определить предполагаемые источники Основной редакции: Древнейшая редакция Измарагда (ее Архетип и Вологодский вариант), статьи Златоструя и патериковые рассказы из компилятивных сборников. Прямые ссылки в заглавиях некоторых статей «Сборника Микифора» на Златоструя находят себе подтверждение: не менее 25 статей Измарагда Основной редакции имеют аналоги в Златоструе Полной редакции;¹⁷ некоторые другие статьи являются выдержками или развитием текста Златоструя.¹⁸ При этом поучения Измарагда, как

¹⁶ Соболевский А. И. Рецензия С 237 Фрагмент «Толкового Евангелия» Феофилакта Болгарского — гл. 1а Архетипа

¹⁷ Златоструй был источником статей не только для Основной редакции Измарагда. Так, «Суздальский сборник» — компиляция, восходящая к особой переработке Архетипа Древнейшей редакции (прототипу Вологодского варианта) — значительно дополнен статьями из Златоструя. Статьи этого сборника атрибутированы А. С. Архангельским (Архангельский А. С. Творения отцов церкви Т 4 С 3 и след.) Добавим, что и неатрибутированное «Слово Иоанна Златоуста о Троице и о твари и пришествии первом и втором» заимствовано из Златоструя (гл. 47 Полной редакции)

¹⁸ К Златострою восходят, по-видимому, следующие главы Основной редакции: гл. 10 и 14 (гл. 62 Златоструя), гл. 16 (14), 35 (78), 39 (57), 45 (103), 53 (111), 68 (79), 86 (103), 91

показывает текстологический анализ, обнаруживают зависимость от их аналогов в Златоструе¹⁹ Сложнее решить вопрос об источниках патериковых рассказов в составе Измарагда В. А. Яковлев допускал возможность заимствования этих статей из патериков,²⁰ однако отдельные ссылки на патерики в заглавиях статей ничем не подтверждаются.²¹ Возможность их заимствования из Пролога нуждается в серьезном обосновании: ни одна из статей «Сборника Микифора» (не говоря уже об Основной редакции Измарагда) не имеет ссылок на Пролог.²² В целом же проблема взаимоотношений Измарагда со Златоструем и Прологом может быть успешно решена лишь после обстоятельного текстологического изучения и научного издания этих сборников.

О следующем этапе формирования Основной редакции Измарагда дает представление список БАН, Архангельское собр., Д.16 (далее — Арх. Д-16). Это конволют XV—XVI вв., составленный из 32 частей и, судя по маргиналиям, вложенный в 1544 г. «бугренскими атаманами» в Кривецкий Успенский монастырь, где и хранился по крайней мере до конца XVII в. Эта рукопись северновеликорусского происхождения содержит Измарагд, Торжественник (постный и цветной триодные циклы, с добавлением минейных чтений), выписки из Синаксаря и патериков, отдельные агиографические и дидактические сочинения. Последовательность объединения различных частей конволюта не вполне ясна: вероятно, в 1460—1480-е гг. дьяк Мина объединил Измарагд и Торжественник с дополнительными статьями из Измарагда Древнейшей редакции и других учительных сборников. Образовавшийся свод Мина завершил послесловием, позднее оказавшимся в начале рукописи (л. 6—8; начало утрачено)²³ Приблизительно в середине—второй половине XVI в. к «Своду Мины» были добавлены агиографические тексты, завершившие составление конволюта. Наиболее ранняя часть Арх. Д-16 — Измарагд (л. 8 об — 100), надежно датируемый второй четвертью XV в., некоторые поновления текста были сделаны в последней трети XV в. (л. 23—23 об., 53—72 об.) Всего в составе Измарагда Арх. Д-16 50 глав, которые, в отличие от

(85), 122 (83), 143 и 144 (52), переработками текста Златоструя считают измарагдовские главы 15, 22, 69, 109, кроме того, можно отметить влияние на Измарагд гл. 2, 11, 12, 56, 76, 77, 81, 82, 109, 115 См. Архангельский А. С. Творения отцов церкви Т. 4 С. 112—117, 136—142, 149—152, 169—171, 199—200, 205—209

¹⁹ См. наблюдения Е. В. Петухова над «Словом Иоанна Златоуста о казнях Божьих на нас» (Измарагд Основной редакции, гл. 91) и «Словом о ведре и казнях Божьих» (Златоструй Полной редакции, гл. 85) «никакого сомнения в зависимости текста поучения Измарагда от поучения Златоструя», Серапион пользовался переработкой из Златоструя, до внесения его в Измарагды (Петухов Е. В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века СПб., 1888 С. 215—216) Ср. приведенные выше результаты нашего анализа «Притчи о дворе и змии»

²⁰ Яковлев В. А. К литературной истории древнерусских сборников С. 204

²¹ Ср. Соколова Л. В. Повесть о благочестивом рабе // Словарь книжников Вып. 2, ч. 2 С. 219—220

²² Результаты наблюдений С. А. Давыдовой, изложенные в неопубликованном отзыве на одну из наших работ, сводятся к следующему: 1) Измарагд 1-й и 2-й редакций имеет до 45 аналогов статей с Прологом, 2) текстологический анализ позволяет предполагать влияние Древнейшей редакции Измарагда на Пролог и Пролога — на Основную редакцию Измарагда Действительно, текст ряда статей Основной редакции (гл. 47, 134, 146, 158 и др.) совпадает со статьями нравоучительной части Пролога (например, по списку РНБ Софийское собр., № 1324) Однако остается нерешенным вопрос: был ли Пролог непосредственным источником Измарагда Основной редакции, либо статьи заимствовались опосредованно, через сборники неустойчивого состава?

²³ Текст опубликован Пудалов Б. М. Послесловие дьяка Мины // Древнерусская книжная традиция и современная народная литература (Тезисы докладов Международной научно-практической конференции, состоявшейся 14—16 октября 1998 года) Н. Новгород 1998 С. 12—14

Q.I.312, имеют писцовую нумерацию (впрочем, не вполне последовательную). Статьи Измарагда группируются следующим образом:

1) начальные 6 статей — традиционны для Основной редакции (при этом заглавие и вступительная статья традиционны также и для Вологодского варианта Древнейшей редакции);

2) следующие 4 статьи — гл. 21 и 23 Древнейшей редакции; «Слово св. отец о покорении» (в Измарагдах не обнаружено, но по тематике близко к традиционным измарагдовским поучениям); гл. 17 Древнейшей редакции;

3) затем 23 статьи — традиционны для Основной редакции;

4) дальнейшие 3 статьи — «Слово ангела-хранителя», которое часто встречается в прибавлениях к спискам Основной редакции под заглавием «Слово Иоанна Златоуста о умилении души» (именно это заглавие написано на полях в списке Арх. Д-16); «Слово Иоанна Златоуста о покаянии души» и «Слово како подобает жити христианам» — встречаются в сборнике Q.I.312 (соответственно л. 219 и л. 96 об.);

5) заключительные 14 статей — традиционны для Основной редакции.

Таким образом, старейшая часть Арх. Д-16 содержит 43 статьи Основной редакции Измарагда, причем порядок их следования совпадает с традиционным. Поэтому этот список можно рассматривать как литературное ядро формирующейся Основной редакции — часть статей ее устойчивого состава. Интересно также наличие в этом списке статей, традиционных для Древнейшей редакции Измарагда или встречавшихся в сборнике Q.I.312, но не вошедших в устойчивый состав Основной редакции. Измарагдовские статьи есть и среди прибавлений к Торжественнику в Арх. Д-16, датируемых последней третью XV в.: «Слово о великом посте и о Петрове и о Филиппове» (л. 301; Вологодский вариант Древнейшей редакции, гл. 65; Q.I.312, л. 137; О, гл. 125); «Наказание и заповедь св. отец о покаянии» (л. 485 об.; варианты — Q.I.312, л. 140; О, гл. 126); «Сказание Иоанна Златоуста о первом веке» (л. 492 об.; Д, гл. 65); «Слово Иоанна Златоуста и Менандра Мудраго о женах добрых и злых» (л. 496 об.; Д, гл. 56); «Слово о разуме и крепости» (л. 663; О, гл. 67); «Слово о первом законе и о втором» (л. 664; Д, гл. 74); «Притча о составе тела человека» (л. 666 об.; вариант — Д, гл. 44; О, гл. 99), а также аналог «Стослова» (л. 667 об.—676 об.), здесь приписанный Василию Кесарийскому. Особенность состава Арх. Д-16 — сочетание глав Основной редакции со статьями Древнейшей редакции и компилятивных сборников неустойчивого состава — позволяет предполагать участие последних в формировании Архетипа 2-й редакции Измарагда.

По составу Арх. Д-16 схож со сборником РНБ, Соловецкое собр., № 271 (далее — Сол.-271) конца XV в., содержащим Измарагд и Златоуст, с некоторыми дополнениями. Эта рукопись северновеликорусского происхождения хранилась и, возможно, была написана в Соловецком монастыре (известна ее сокращенная и дефектная копия — РНБ, собр. Погодина, № 1021, начало XVI в.). Сол.-271 несколько полнее и исправнее Арх. Д-16, так как сохранил 65 глав устойчивого состава статей Основной редакции. Совпадение особенностей состава позволяет предполагать у списков наличие общего протографа, датируемого временем не позднее 1420—1430-х гг.

Анализ списков, отражающих начальные этапы формирования Основной редакции, позволяет определить дату составления ее Архетипа. Большая подборка произведений, ставших традиционными для Основной редакции, появляется уже в сборнике 1422 г. (Q.I.312). В списках Арх. Д-16 и Сол.-271, восходящих к протографу 1420—1430-х гг., становится замет-

ным литературное ядро формирующейся редакции — треть устойчивого состава статей, с характерным порядком расположения и нумерацией глав. Дефектные фрагменты Арх. Д-16 дописывались по исправному списку Измарагда Основной редакции не позднее последней трети XV в., причем в тексте этого списка уже были индивидуальные особенности (например, имя «Нифонт» правилось на «Внифантий»). Наконец, от последней трети XV в. сохранилось несколько списков Архетипа (ТС-203, F.I.534, ГИМ, Музейское собр., № 400), а также его переработки (сокращенный список РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 91, южнорусские списки РГБ, Рогожское собр., № 207 (далее — Рог.-207) и Национальной библиотеки Украины (Киев), Михайловское собр., № 488 (далее — НБУ-488)); при этом в тексте списков есть разночтения, свидетельствующие о бытовании Основной редакции Измарагда в рукописной традиции в течение некоторого времени. Поэтому логично датировать создание Архетипа Основной редакции второй четвертью (не позднее середины) XV в.

С какой целью и в какой среде был составлен Архетип Основной редакции Измарагда? Для решения этих ключевых вопросов литературной истории сборника необходимо проанализировать его идейно-тематическую направленность. Такой анализ затруднен особенностью эстетики учительской литературы — господством вневременных, «общих» тем и стилистических формул, устойчивых благодаря литературному этикету. Привычная, знакомая тематика воспринималась книжниками как достоинство поучений и сохранялась почти без изменений на протяжении длительного времени. Для Измарагда Основной редакции это характерно, пожалуй, в еще большей степени, чем для Древнейшей редакции: редакторы постарались исключить полемические произведения, содержащие намеки на взгляды своей среды. Благодаря этому, собственно, Основная редакция и пользовалась популярностью в различных слоях общества на протяжении нескольких веков. Но в эстетике учительской литературы всегда оставалось трудно уловимое «почти»: «Новое, оригинальное подчас нелегко выделить, оно кажется поглощенным в море „общих мест“ и давно утвердившихся истин. Нужно между тем предположить, что малейшие новые нюансы, даже, казалось бы, незначительное смещение акцентов в то время воспринимались намного острее, нежели в наши дни».²⁴ Анализ глав Основной редакции, сопоставляемых с Древнейшей редакцией, позволяет отметить некоторые новые черты в художественном облике Измарагда, которые дают возможность выдвигать предположения о цели составления сборника и редакторах.

Прежде всего, Основная редакция предназначалась для мирян. Ориентация на мирян усилена включением в состав сборника группы так называемых педагогических сочинений (гл. 52—56), поучений о правилах семейной жизни (гл. 26, 57, 87, 126, 151). В тексте многих статей есть прямые обращения к мирянам — главам семейств из всех социальных слоев. Судя по оформлению заголовков статей (пометы типа «Благослови прочести»), предполагалось не только домашнее, индивидуальное, но и церковное, коллективное чтение Измарагда. Далее, в обращениях к читателям-мирянам очень настойчиво опровергается утверждение о возможности спасения только в монастырях и доказывается возможность спасения души в миру (гл. 7, 32, 43, 44, 69, 138). Целенаправленный подбор поучений о возможности «устроения души» в миру свидетельствует, по видимому, о попытках редакторов Измарагда несколько нейтрализовать

²⁴ Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 31

процесс количественного роста монастырей и монашествующих, пик которого приходится как раз на конец XIV—первую половину XV в.

Для составителей Основной редакции способ «устроения души» мирян — пост, покаяние и милостыня, рассматриваемые как единое духовное действо. Эта тема, присутствующая почти во всех традиционных статьях, стала идейным стержнем Основной редакции. При этом вопросу о пользе постов здесь уделено значительно больше внимания, чем в Древнейшей редакции (см. гл. 124, 125, 154). Отдельно подчеркнута важность пощения в среду и пятницу (гл. 120, 122); осуждается вкушение во время поста молока, сыра, яиц (что соответствовало более ранней традиции пощения), а также питье вина. По-видимому, внимание редакторов Измарагда к теме постов усилилось из-за смены в первой половине XV в. церковного устава: некоторые из перечисленных статей впервые появляются в Измарагдах с начала XV в. (Вологодский вариант Древнейшей редакции, гл. 65; Q.I.312, л. 154 об., 236, 249, 312; Арх. Д-16, л. 43, 101), но постоянно — лишь в Основной редакции. Примечательно, что статьи, включенные в устойчивый состав Основной редакции, подчеркивают необходимость соблюдения заповедей «не выше силы», отвергают крайние формы в их выполнении (гл. 13, 40, 70, 109, 121, 127 и др.). Умеренные требования редакторов Измарагда, несомненно, содержат элементы скрытой полемики с какими-то формами аскетизма, распространенными в период создания Основной редакции.

В Основной редакции отчетливее, чем в Древнейшей, выражена тема почитания духовенства (гл. 56, 72, 121, 154). Составители Основной редакции признают недостатки иереев (гл. 41; в списке Арх. Д-16 наиболее точный заголовок: «яко не подобает прети учащего») и не отрицают права мирян на учительство,²⁵ но обосновывают это право мягче, без осуждения недостойных священников. Так, вместо резкого «Слова Иоанна Златоуста о лживых учителях» (Д, гл. 75) здесь появляется «Слово о двою соседу шевцу» (гл. 134) — дидактическая новелла о ремесленнике, мудро учившем мирян и за это поставленном в пресвитеры (ср. также гл. 102, где простолюдин оказался праведнее священников). Апология духовенства в Измарагде Основной редакции могла быть вызвана участвовавшими в конце XIV—первой половине XV в. обличениями пороков церкви со стороны мирян (в крайней форме — у стригольников).

В Основной редакции значительно усилены эсхатологические мотивы: расширен круг произведений о грядущей «кончине мира», втором пришествии и Страшном суде, о посмертных мытарствах души (наиболее показательны гл. 30, 96, 142, 161). Характерна переработка «Притчи о дворе и змии» (гл. 143): вступление сокращено втрое, но в нем дважды, буквально с первых же слов, подчеркнута ожидание грядущего конца, которого нет в греческом оригинале. Эсхатологические видения и картины казней, постоянно усиливаясь, достигают кульминации в заключительной части сборника: «Поганьская нашествия, людем движение, церквам нестроение, безчиние священником. Токмо плотских угрождати начнут, а духовных не пытаются, и игумены тако же, а чернецы будут на пиры тщиции и тяжелюбивии будут и гневливии <...> Владыки будут боящися лиц силных судяще по мзде, обидяще сироты, не заступающе вдовиц и убогих...» (гл. 142); «...брат брата возненавидит <...> и будут учителя их лицемернии запойци, и черноризци их будут злобесни и сквернословци, и князи их будут немилостиви, а судьи их неправедны, и не будет избав-

²⁵ Вопреки мнению Седельникова, см. Седельников А. Д. Следы стригольнической книжности // ТОДРЛ Л., 1934 Т. I С. 121—136

ляюща сироты от руки силнаго, <...> князи не смиряют властелей, и властели не жслются, мучающе худыя» (гл. 161). Подбор статей, изображающих ужасы нашествий, междоусобиц и беспорядков в обществе, наверняка отражает впечатления редакторов Измарагда от русской действительности. По нашему мнению, включение эсхатологических сочинений в состав Архетипа Основной редакции объясняется событиями начала — первой половины XV в.: участвовавшие набеги татар, церковное «нестроение» и, наконец, междоусобная война 1425—1453 гг. А так как и позже общественно-политическая ситуация редко менялась к лучшему, то древнерусские книжники продолжали находить в эсхатологических описаниях Измарагда созвучия со своей эпохой и сохранили эти произведения в составе сборника.²⁶

Более последовательная ориентация Измарагда на духовные потребности мирян и глубокая переработка его тематики вызвали изменения в жанровом облике сборника. Если в устойчивом составе статей Древнейшей редакции абсолютно преобладает жанр поучения, то для Основной редакции характерно большее жанровое разнообразие. Сюжетные произведения — назидательные новеллы (*exempla*), видения, притчи, рассказы о чудесах и проделках бесов — составляют не менее четверти содержания сборника. При этом некоторые назидательные новеллы имеют жанровые черты видений (гл. 61, 97, 98, 131); притчи и рассказы вторгаются в текст поучений (гл. 78 — фрагмент о царе Ироде в поучении о покаянии; гл. 124 — притча о ризе в поучении о необходимости милостыни во время поста). Иногда же, наоборот, поучения облекаются в жанровую форму рассказа, превращаясь в произведения синкретического жанра (гл. 82 — поучение о внезапной смерти представлено в виде беседы царя Александра и епископа Евсевия по поводу конкретного случая). Эстетическая функция назидательных новелл, видений и притч в Измарагде очевидна: произведения этих жанров привносили в проповедь элемент занимательности и тем самым делали ее доступной, понятной и «интересной» для самой широкой аудитории.

Изменение жанрового облика Измарагда в Основной редакции, соединение повествовательных элементов с дидактикой (при доминанте последней) повлияли на структуру сборника. Заметно стремление придать сборнику кольцевую композицию: устойчивый состав статей начинается поучениями о пользе чтения книг (гл. 1—5) и заканчивается статьей на эту же тему (гл. 164) — статьей итоговой, предостерегающей от чрезмерного величания книжной мудростью и от чтения книг без исполнения изложенных в них заповедей. Композиционно сборник состоит из десятков небольших тематических групп, по две-три статьи (одна из которых, как правило, содержит элементы сюжетного повествования). Между этими группами с трудом просматривается весьма слабая ассоциативная связь. Как и в Древнейшей редакции, смысловые связи между тематическими группами возникают в силу многоплановости статей: одно и то же произведение посвящено нескольким темам. Например, «Слово св. отец к крестьяном, иже кто оставя жену и дети отходит в монастырь» (гл. 21) — о добродетели, о богатстве, о милостыни, об условиях спасения души, уклонении от татьбы и клеветы; «Слово св. отец како жити крестьяном»

²⁶ В А Яковлев, справедливо отмечая невозможность точной датировки эсхатологических сочинений Измарагда, тем не менее попытался хронологически связать их с ожиданием конца света в 1492 г (см Яковлев В А К литературной истории древнерусских сборников С 259—264). Однако для такой датировки нет оснований: цитируемые Яковлевым произведения (например, «Пророчество Исаяно») появляются уже в Измарагде 1422 г (Q 1 312, л 60 об).

(гл. 126) — о почитании родителей, гуманном отношении к рабам, запрещении «роты», наставления о ночной молитве, о женитьбе и прелюбодеянии. Тематический принцип группировки таких статей затруднен. Поэтому композиция Измарагда и здесь остается рыхлой. Тем не менее состав Архетипа сохранял устойчивость на протяжении трех столетий. Причина композиционной устойчивости сборника — традиция, к тому же, по-видимому, изначально освященная авторитетом редакторов. Признанным авторитетом для составления и редактирования крупного четьего учительного сборника могли обладать, скорее всего, книжники, близкие к митрополичьей кафедре.

В пользу этой версии может свидетельствовать определенная близость взглядов редакторов Измарагда и митрополита Фотия, занимавшего кафедру в 1408—1431 гг.²⁷ Примечательны резкое осуждение Фотием пьянства (ср. О, гл. 67, 71), увещание не откладывать покаяния, обольщаясь человеколюбием Божиим (ср. О, гл. 30, 143), призыв не стесняться отца духовного, исповедуясь ему в грехах (ср. О, гл. 121, 162); подчеркивание необходимости духовного, осмысленного пощения (ср. О, гл. 124). При этом и Фотий, и редакторы Измарагда подчеркивают необходимость поститься в течение всего Великого поста, а не только первой недели (ср. О, гл. 125). Эсхатологическому «Пророчеству Исайи» (О, гл. 161) созвучно ожидание грядущего конца света и второго пришествия в «Слове Фотия в неделю мясопустную». Кроме того, в грамоте 1416 г. псковскому духовенству Фотий запрещал употреблять в пищу кровь, а также мясо животных, удавившихся в охотничьих приспособлениях; аналогичное запрещение есть во второй части гл. 123 Основной редакции Измарагда. Для произведений Фотия характерен и призыв к пастве уважать духовенство: это подчеркивается во всех посланиях, направленных в Псков против стригольников. Сдержанное и несколько отчужденное отношение кафедры к процессу «монастырской колонизации» схоже с позицией редакторов Измарагда (характерны гл. 21 и некоторые другие приведенные выше примеры, а также резкая гл. 158, направленная против монастырских феодалов-стяжателей). Сходство во взглядах на важнейшие проблемы своего времени здесь несомненное. Однако следует отметить, что среди традиционных статей сборника нет ни одного произведения Фотия.

Возможно, близость к митрополиту-греку и его окружению позволяла использовать новые тексты, появившиеся в результате «второго южнославянского влияния» (главы из Златоструя и новые редакции отдельных статей).²⁸ Неясно, завершилось ли составление Архетипа Основной редакции Измарагда еще при жизни Фотия. Но уже во второй половине XV в. сборник переписывался как в северно-, так и в южнорусских землях.²⁹

²⁷ Упомянутые ниже произведения Фотия изучались по изд. Православный собеседник 1860 Т 3 С 100, 224, 233—237, 469, 496—497, Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века М., Л., 1955 С 243—255

²⁸ Ориентация на митрополичью кафедру объясняет и малопонятное, на первый взгляд, исключение панегирика из вступительной части «Слова Дионисия о желеющих» — из-за опасной ассоциации с Дионисием Суздальским (известно отрицательное отношение Фотия к деятельности Дионисия)

²⁹ Это дает основание пересмотреть утверждение А. И. Соболевского «Списки Измарагда первой и второй редакций, какие нам известны, все — севернорусского происхождения» (Соболевский А. И. Рецензия С 236). Существование достаточно ранних южнорусских списков (Рог-207 и НБУ-488 — последней трети XV в.) может рассматриваться как еще одно косвенное подтверждение гипотезы о близости редакторов Измарагда к окружению Фотия — последнего митрополита с титулом «Киевский и вся Руси». Судя по особенностям состава, к указанным спискам восходит известный нам лишь по описанию южнорусский список в ЦНБ Украины (Львов), собр. Петрушевича, № 1 (датирован XVI в.)

Композиционная нечеткость и некоторая открытость структуры сборника позволяли вносить в его состав изменения, которые обычно сводились к прибавлению нескольких дополнительных статей в конце сборника или, реже, вставкам в середине. Еще реже такие прибавления сочетались с сокращениями — исключением нескольких традиционных статей из состава Измарагда; списки с сокращениями, но без прибавлений единичны. Текст традиционных статей при этом не подвергался редактированию: заметны лишь небольшие разночтения, неизбежные при переписке.³⁰ Обзор вариантов и переработок Основной редакции Измарагда, предполагаемые причины, время и обстоятельства их возникновения — тема самостоятельной статьи.

³⁰ Интересно, что существование небольших писцовых разночтений (описки, пропуски или перестановки отдельных слов) отмечали и сами древнерусские книжники. Трудник Кирилло-Белозерского монастыря К. А. Рыбушкин предпринял в 1637 г. беспрецедентную сверку своего списка КБ-39 (вторая половина XVI в.) с неустановленным списком Архетипа Основной редакции. Результаты сверки Рыбушкин «подписал исправил зела начерно», о чем оставил на полях рукописи интереснейшую запись в традициях смеховой культуры